

ПОЭТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ

«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Михаил Фельдман

**ЕЩЁ ОДНО
ИМЯ БОГУ**

**Москва
ЛитГОСТ
2020**

УДК 821.161.1
ББК 84
Ф39

Ф39 **Фельдман Михаил**

Ещё одно имя Богу: стихотворения / Сост. Б. Кутенков, Н. Милешкин, Е. Семёнова. — М.: «ЛитГОСТ», 2020. — 100 с. — (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

ISBN 978-5-6041920-3-0

В книгу вошли избранные стихотворения поэта Михаила Фельдмана (1952–1988), героя второго тома антологии «Уйти. Остаться. Жить» (М.: «ЛитГОСТ», 2019), погибшего в железнодорожной катастрофе под г. Бологое и оставившего значительное литературное наследие. Нынешнее издание включает как стихи, опубликованные в посмертном сборнике М. Фельдмана «Миновало» (Ленинград, 1990), так и впервые увидевшие свет.

© Фельдман М., наследники, 2020
© Кутенков Б., составление, 2020
© Милешкин Н., составление, 2020
© Семёнова Е., составление, 2020
© «ЛитГОСТ», макет, 2020

ISBN 978-5-6041920-3-0

Евгений АБДУЛЛАЕВ

ВОСКРЕСАЮТ ТОЛЬКО ЖИВЫЕ

16 августа 1988 года в Калининской области, под Бологое, на перегоне Березайка — Поплавенец, произошло крушение пассажирского поезда «Аврора». Тридцать один человек погиб.

Чья-то безалаберность. Рельсы просели, это было обнаружено, нужно было дать предупреждение об ограничении скорости, предупреждение давать не стали. «Аврора» по аварийному участку шла на всех парах. Произошёл саморасцеп, вагоны опрокинулись, возник пожар, люди сгорали заживо.

Михаилу Фельдману не было ещё тридцати семи.

*Земля пахнет
хлебом дождём цветами
землёй*

*Земля благоухает
жизнью
и смертью
у которой позади
целая жизнь*

Его жизнь началась 9 января 1952 года в Каменке — рабочем посёлке в Пензенской области, незадолго до этого получившем статус города.

Единственным предприятием Каменки был Белинсксельмаш — названный так по местной железнодорожной станции Белинская, а та, в свою очередь, по фамилии великого критика. Белинсксельмаш выпускал сеялки, картофелесажалки, плуги и другую прицепную технику.

На Белинсксельмаше работали родители Михаила, и он сам, окончив десятилетку, тоже какое-то время проработает там.

Затем учёба в Ленинградском университете на историческом факультете¹. После окончания в 1982-м — работа в университетской газете, школьным учителем, экскурсоводом, библиографом. Аспирантура, история русско-грузинских литературных связей. Исследования о двух ссыльных грузинах: поэте Соломоне Размадзе, сосланном в Пензу, и философе Соломоне Додашвили, отбывавшем ссылку в Вятке. Библиотеки, научные конференции, поездки в Грузию.

Одновременно он писал стихи.

*Копая яму
сажая дерево
стирая бельё
башмаки лакируя
думая о самых близких
пишут стихи*

Читал ли их кому-то? Наверное. Но кому — неизвестно.

«...Любые попытки отыскать людей, знавших Михаила Фельдмана лично, не увенчались успехом², — пишет Ольга Аникина в антологии «Уйти. Остаться. Жить». — Словно речь идёт не о поэте-современнике, а о каком-нибудь древнем греке»³.

Если невозможно восстановить литературное окружение поэта, то можно понять, откуда он пришёл.

Ключом здесь служит стихотворение Фельдмана «Из писем Тадеушу Ружевичу»:

¹ По некоторым данным, до этого он окончил филологический факультет того же университета.

² В процессе работы над книгой, впрочем, удалось найти брата Михаила Фельдмана — Павла Фельдмана, живущего в Израиле. Составители благодарят его за предоставленную о поэте информацию.

³ Аникина О. Ещё несколько капель жизни // «Уйти. Остаться. Жить». Антология Литературных чтений «Они ушли. Они остались». Т. II. Ч. 2. М.: «ЛитГОСТ», 2019. С. 376.

Хожу по зеркалу
по этому чуткому миру
где каждый шаг
моё отражение
отражение слишком
хрупкая вещь для повседневной
жизни

хожу
зажимая рану
которую сам и нанёс

вооружённый до зубов
громыхающий доспехами
бряцающий словесами
неуязвимый и готовый
к любому нападению
я снова застигнут врасплох
изнутри

Имя выдающегося польского поэта, одного из классиков свободного стиха, присутствует в заглавии не случайно.

В Союзе Ружевица — как поэта из «братской Польши» — переводили и издавали ещё с шестидесятых. Переводы Ружевица были одним из каналов распространения верлибра, его прививкой русскому стиху. «Аскетичная» стилистика Ружевица оказала влияние на переводившего его Владимира Бурича. И — на Михаила Фельдмана.

Порой Фельдман цитатно воспроизводит отдельные строки польского поэта. «Из писем Тадеушу Ружевичу» начинается так же, как и стихотворение Ружевица «Я строю» («Buduję»), переведённое Юрием Левитанским:

Хожу по стеклу
По зеркалу
Которое трескается

Я хожу
По черепу Йорика
По этому хрупкому
Миру

Строю дом на песке
Или замок
И уже всё готово
К осаде

Только я безоружный
Застигнут врасплох
Снаружи.

Лирический герой Ружевича — хрупок и безоружен; герой же Фельдмана — «вооружён до зубов», однако уязвим не меньше: источник опасности находится не вне, а в нём самом.

В финале оба «застигнуты врасплох»: у Ружевича — снаружи, а у Фельдмана — изнутри.

Диалог с Ружевичем можно найти и в другом стихотворении, «Страх». Стихотворение с тем же названием («Strach») есть и у польского поэта, в переводе Бурича:

Ваш страх великан
метафизик
мой мелкий чиновник
с портфелем

с картотекой
с анкетой
где родился
чем занимаюсь
чего не сделал
во что не верю

цель приезда
когда перестану притворяться
куда потом
уюду

А вот стихотворение Фельдмана:

Ваш страх великий
метафизический

с ногами длинными
уйти сбежать
пока не поздно

мой
одноногий калека
с гармошкой
который песню поёт
о напрасном рождении
и всё же живёт
наполняя мир
ещё одной болью

Снова начало «заимствуется» у Ружеви́ча, которого Фельдман, судя по всему, читал по-польски: первые две строки ближе к оригиналу («*Wasz strach jest wielki / metafizyczny...*»), чем в переводе.

Но дальше — снова скрытая полемика.

Ружеви́ч противопоставляет страху как метафизической категории — каковой она была в философии Мартина Хайдеггера — страх маленького человека в тоталитарном обществе. Этот страх персонифицирован в мелком чиновнике, чья фигура — с каждой строкой, с каждым новым «анкетным» вопросом, — становится всё более зловещей, дорастая почти до метафизических масштабов. Завершается стихотворение Ружеви́ча строкой: «куда потом уеду». Уехать, скрыться вряд ли возможно, но надежда остаётся.

У Фельдмана акценты изменены.

Здесь «великий метафизический страх» предполагает возможность бегства из мира — то есть, судя по всему, самоубийство. Ему противопоставлен другой страх — как преодоление страха через принятие своего удела, своей судьбы. «И всё же живёт...»

В поэтическом состязании с Ружеви́чем проступает одна из важных тем Фельдмана — тема героического пессимизма. То, что было особенно актуально для польского поэта — сохранение своего я, своей индивидуальности в условиях тотального обезличивания, — у Фельдмана, принадлежавшего к иному, младшему, поколению и к иному культурному контексту, словно

отходит на второй план. Конфликт переносится внутрь личности, которая не может вписаться — даже не столько в социум, сколько в самую «повседневную жизнь».

*Хотел быть не таким
как все другие
непохожим разным
незаменимым*

у меня ничего не вышло

*хотел быть таким
как все другие
похожим на похожих
равным неразличимым*

у меня ничего не вышло

Отсюда — постоянное стремление к разрешению этого противоречия в некой над-индивидуальной и одновременно над-коллективной стихии, в архетипе родовой жизни, «земле».

*О, счастье умереть тем,
кем ты был от самого рождения
от самого зачатия
замыслен:
мыслителем
поэтом
землепашцем*

*Пусть скажут обо мне:
он умер тем, кем был*

*В мечте своей хочу быть
тем, кем умирать не страшно*

Сыном земли своей

Особенно часто образ «земли» встречается в многочисленных стихах о Грузии, которая была для Фельдмана не просто темой научного исследования.

«В русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашённый Пушкиным <...> Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовностью, присущей национальному характеру, и лёгким, целомудренным духом опьянения...» (Осип Мандельштам).

Такой Грузия предстаёт и у самого Мандельштама — в стихотворении «Мне Тифлис горбатый снится...», и в стихах современных Фельдману поэтов: Беллы Ахмадулиной, Юнны Мориц или менее известного Александра Цыбулевского. Эти мотивы присутствуют и у самого Фельдмана, однако на первый план в его грузинских стихах выходит именно спокойное, природное единство личного и родового.

Из стихотворения «Колокол»:

*Моя земля ширится твоим звоном
как хорошо лежать на траве
раскинув руки*

*Всё что вверху — обрастает небесами
всё что внизу — заставляет меня плакать*

*Грядёт давний звон
на бой иль на покой*

*Пусть звенит моего сердца любовь
доверь себя земле до самой смерти
воскресают только живые*

*И всё это — и неба алтарь
и образ земли родной
и виноградный крест — воистину!*

Сошлюсь, опять же, на Ольгу Аникину: Грузия в стихах Фельдмана — «образ идеальной родины», «потерянного и обретённого рая»; образ, лишённый стилизации и попыток «передать национальный колорит»⁴.

Да. Это стихи, написанные не от лица «очарованного странника», но словно от лица какого-то грузинского поэта. Воз-

⁴ Аникина О. Указ. соч.

можно — того самого Соломона Размадзе (русские переводы его стихов, изданные в Тбилиси, мне, увы, не удалось найти). Фельдман упоминает о Размадзе в одном из немногих стихотворений, написанных не «изнутри» Грузии, а «извне», как осмысление своего опыта приобщения к ней.

*На берегу Невы
где холод вползает в душу
я рассказываю другу о Грузии*

*Говорю о поэте
который умер в изгнании
о девушках чистых
о царствах павших
о царствующем духе*

*Я рассказываю грузину о Грузии
он молчит
из губ моих ветер
слова вырывает
и бьёт их о камни
Но они живы
в Грузии весна
птицы поют
слова согревают душу*

*Друг смотрит внимательно
будто слышит впервые
и говорит мне:
да*

Столкновение двух миров — холодного и тёплого, питерского холода и грузинской весны, мира ветра и камней, — и мира царствующего духа. Проводник между этими мирами — поэт, рассказывающий «грузину о Грузии», дающий ему возможность как бы по-новому увидеть её. «Друг смотрит внимательно / будто слышит впервые».

Ключевое слово — в самом конце: «да». Это не только эхо финальной мандельштамовской строки о другом «утерянном рае», античной Греции, — «И вода, говорящая: "да"». Это —

подтверждение права поэта на речь об иной земле, иной культуре, на встречу с ней.

Встреча может оказаться и несостоявшейся.

Либо — состоявшейся, но торопливой, фантомной, наполненной пустыми словами.

Метафора такой встречи — несущийся поезд. В стихотворении «Глоток» он ещё подсвечен какой-то надеждой:

*и глоток поезда что мчался тогда
вдоль поля
и поездов что сейчас также мчатся
и глоток встреч к которым стремятся
те кто едет на поездах*

В стихотворении «Поезд» этот «глоток встреч» оказывается скорее горловым спазмом.

*Запыхавшаяся встреча
вот я... вот я...*

*последнее слово
прямо в ночь
под колёса вагонов*

*и уходит...
отрезая пейзаж за пейзажем
в туннель расставаний
оставляя обнажённые
рельсы
и эти фразы банальные
словно поезд*

Речь на такой «запыхавшейся встрече» невозможна, слова банальны; единственной реальностью оказывается поезд, летящий по обнажённым рельсам.

После гибели Фельдмана родные обнаружили в его письменном столе стихи; в 1990-м году издали за свой счёт единственный сборник «Миновало».

Сборник оказался неслышанным. Была более востребована другая поэзия — социальная, ироничная, с раскованной игрой метафор. Аскетичная, намеренно отстранённая от всего «остро-социального», лирика Фельдмана не вписывалась в это. Не сильно изменилась ситуация и позже. Для приверженцев традиционной рифмованной поэзии верлибры Фельдмана были слишком непривычны, для адептов «новейшей» — слишком традиционны.

Сегодня, когда настало время «тихой поэзии» — её предельно приглушённого звучания в условиях медийного «шума» — возможно, самое время прочесть Михаила Фельдмана заново. Медленно и вдумчиво, слова и паузы — на что, собственно, эти стихи и были рассчитаны.

*Одни стихи монументальны
как скалы
из которых делают
памятники и обелиски*

*Другие —
похожи на букет
цветов невзрачных
неизвестный прохожий
положил их к подножию
obeliska*

за двумя пегасами сразу

ИЗ ПИСЕМ ТАДЕУШУ РУЖЕВИЧУ

Хожу по зеркалу
по этому чуткому миру
где каждый шаг
моё отражение
отражение слишком
хрупкая вещь для повседневной
жизни

хожу
зажимая рану
которую сам и нанёс

вооружённый до зубов
громыхающий доспехами
бряцающий словесами
неуязвимый и готовый
к любому нападению
я снова застигнут врасплох
изнутри

НЕ ВЫШЛО

Хотел быть не таким
как все другие
непохожим разным
незаменимым

у меня ничего не вышло

хотел быть таким
как все другие
похожим на похожих
равным неразличимым

у меня ничего не вышло

* * *

Не раздваиваюсь
(с детства боюсь двоедушия)
разрываюсь
от ступней до гортани

будто бы
присудили мне кару:
тянуть свою душу
за двумя Пегасами сразу.

КАПИТУЛЯЦИЯ

На всех
моих вещих снах
на словах
на молчании

развевается белый флаг

на моей ненависти
на любви моей
на поэзии

вывешен белый флаг

на стенах
на пейзажах
на прошлом и будущем

вывешен белый флаг

на лицах
на именах
на взлётах и паденьях

развевается белый флаг

со всех окон
спускается белый флаг

я в руках
держу белый флаг

* * *

Сердце моё
вдруг эхо своё потеряло
словно и прежде его
никогда не имело

знаешь
мне раньше казалось
что ветви и песни
поются в ритме едином

и в переплеске этом
между миром и мною
между сердцем и сердцем
эхо рождалось
в котором мудрость
и нежность

о поток моих потоков
дыханье моего дыханья
весна моей весны
превращалось то эхо
в слово
словом — птицею пела
зеленела веткою — словом
солнцем — словом
луною — словом
зачарованным миром

одновременно бился пульс
у сердца и моего сердца
а теперь
прислушиваюсь
сердце готово
повторять вслед за словом
ему одному
прислуживать
и что-то
одетое в платье чёрное
считаемое поэзией
хватается за меня
и за слово
как за два чужеродных берега
беспрестанно отделяемых
друг от друга

сердце без эха
слово без сердца

* * *

На берегу Невы
где холод вползает в душу
я рассказываю другу о Грузии

Говорю о поэте
который умер в изгнании
о девушках чистых
о царствах павших
о царствующем духе

Я рассказываю грузину о Грузии
он молчит
из губ моих ветер
слова вырывает
и бьёт их о камни
Но они живы
в Грузии весна
птицы поют
слова согревают душу

Друг смотрит внимательно
будто слышит впервые
и говорит мне:
да

ГРУЗИНСКАЯ РЕЧЬ

Говорили они
слова были для меня закрытыми
как запертый сад

С моего языка
сочилась зависть

Тогда один из них
сорвал и протянул мне
плод неизвестный

Мякоть плода сочилась соком
сладость и свежесть
наполнили горло

А ожиданье сменилось улыбкой
произнесённой зубами языком
словами о незнакомом вкусе

СТРАХ

Ваш страх великий
метафизический
с ногами длинными
уйти сбежать
пока не поздно

мой
одноногий калека
с гармошкой
который песню поёт
о напрасном рождении
и всё же живёт
наполняя мир
ещё одной болью

ДРУГУ

Идущий со мною рядом
будить мой покой
нести мою тяжесть

мой неподкупный свидетель
мой вечный слушатель
с абсолютным слухом

в минуты сомнений
мой пыл
вода холодная
для гнева и ярости

человек
рядом с которым не страшно
прыгать через огонь
ходить по краю бездны
писать стихи

ты
мечтам моим верность
глазам моим радость
столб бичевания совести беспокойной

будь же благословен
идуший рядом со мной
я благодарен тебе хотя бы за то
что ты принимаешь мои слова
близко к сердцу

АЛАВЕРДИ

Из уст на уста
улыбка
свет твоих глаз
в мои глаза
из рук в руки
сила

Обмениваемся болью
и радостью тоже
сердцами мечтою
звёздами и слезами

по-братски поровну
делим горе

и об одном только просим —
пусть не придёт время
когда делиться будет нечем

КУТЁЖ

В духане, за столом, похожим
на картину Пиросмани,
Сидят грузины — настоящие мужчины.
Глазами влажными к клеёнке
щедрой манят,
Уже рука притронулась к кувшину.

Один забияка, кутила заядлый,
Того, кто заденет, — раскрасит
в цвет винный.
Другой — сладострастец, а похоть такая,
Что дупла деревьев от страха застыли.

А третий — душа! — обжора
двужильный
С зубами, нацеленными на поросёнка.
У всех у троих животы как хурджины,
И тосты божественно вкованы в горло.

Вот так бы и там, с восторгом,
с любовью
Бежать от тоски, что сердца наши губит.
Едят они — слюнки текут у любого,
А пьют — пересохли от жажды губы.

А что счастливцы пьют? — Картули
гвино,
Святую воду тех, кто смыслит в жизни.

Не будет сердце сумрачно и гнило,
Пока желанье бьётся в наших жилах.

За что они пьют? Конечно, за женщин!
А женщины где? Те мудры и стыдливы —
Глядят на луну и ждут терпеливо
Всех тех, кто навеки с духаном обвенчан.

Сидят счастливцы здесь с утра до ночи,
Покуда смерть не позовёт, рука
не дрогнет,
Ну а пока кутёж прервать никто
не хочет,
И длится это целый день, иль целый век,
а может, дольше.

А где художник? Тот сидит напротив —
Он тоже не из тех, кто соблюдает пост.
Глазами грустными он нас к столу
проводит
И терпеливо ждёт, когда клеёнка
превратится в холст.

НА РАССВЕТЕ

Пустой я отзываюсь эхом на каждый
звук
так музей без статуй вспоминает
о портиках и ротондах
Во дворе бьёт фонтан
Он вбирает мой взгляд бессердечно
и равнодушно
Мраморные лилии прячут в темницу
свою белизну...
Вообразил себя равным
публике знатной
Матери бедной Ники и слепым
Аполлоном
За это мёртвые ранят меня вниманьем
И ничего теперь не случится
Луна кладёт на мой лоб
Чистую и немую руку сиделки

* * *

Осень опять
деревья и люди уходят
и сквозь сумятицу
листьев и грусти
мне не видать твоей тени

листьев мне не дожждаться
небо пустынно и мрачно
лишь облака нелепо дожждаться
девушки плачут

веткам деревьев молюсь
сохранитесь
своим друзьям говорю
будьте

я не прошу
ни тепла ни пощады
но если можешь
разгладь лицо
искажѐнное грустью

Осень опять
деревья и люди уходят
в нависшее небо

ИЗ ЦИКЛА «БОРЬБА ЗА ДЫХАНИЕ»

Напрасно
я пытался вобрать тебя
как глоток воздуха
и донести его тем
задыхающимся
причитающим.

Я закричал
поперхнувшись ложью.

Это борьба за дыхание
надувание
шариков праздничных
продавцы веры
растворились среди торговцев
воздухом,
но жалко тратить дыхание
драгоценное на слово «нет»
легче мычать.

После долгих сдерживаний
голова закружилась
подкосились ноги
и вознесли над голову
тебя
А ты в ответ говоришь
уходи,
ты съедаешь
мой кислород.

О, поэзия
посиневший ребёнок
кричит не божественным
криком не человеческим
искусственное дыхание
в искусственном лесу
из поролона
слова надежды
легче воздуха
пропитанный нечистотами души
ненавистью и злобой
пусть как шарик надутый
взлетит этот воздух
разреженный
в нас самих

это время смертельно

* * *

Копая яму
сажая дерево
стирая бельё
башмаки лакируя
думая о самых близких
пишут стихи

ОДНИ СТИХИ

Одни стихи монументальны
как скалы
из которых делают
памятники и обелиски

Другие —
похожи на букет
цветов невзрачных
неизвестный прохожий
положил их к подножию
obeliska

ЧТО ПОЭЗИЯ МОЖЕТ

Что поэзия может?
Может дружбу в стихах воспеть,
а вот друга живого
удержать не может.

Может пение птиц,
лишь шелест
превратить в прекрасное слово,
а обратно — не может.

Может женщину одинокую
утешить на миг,
а заменить ей крик
ребёнка — не может.

Может жить в друге ушедшем,
в шелесте листьев,
в женщине одинокой,
а без них жить — не может.

Что поэзия может?
Ничего не может.
Поэзия может всё.

ПОСАДИЛ ФИАЛКИ — РОЗЫ ВЫРОСЛИ

(Грузинская песня)

Посадил я фиалки,
а выросли розы

Мне бы надо смеяться,
ведь не сорной травой
проросли семена, а чудеснейшей
розой,

и всё же —
посадил я фиалки,
грустная метаморфоза

Это что же такое? —
произнёс я со вздохом —
вдруг на будущий год
ни фиалкой, ни розой,
а никчёмным чертополохом
прорастут мои всходы

Посадил я фиалки,
а выросли розы,
мне бы надо смеяться,
а я чуть не в слёзы.
Если б я был завистлив,
то ходил бы довольным,
мне же больно,
когда от меня ничего не зависит

Пусть всегда исполняется то,
что задумано было, —
ни меньше, ни больше
Что за промысел божий?
для меня эти розы
как капризы-угрозы

Ведь сажал я фиалки —
пусть просты и наивны,
для меня же дороже
всякого дива.
Верю только в надежды,
а дары ненадёжны,
любит ложь одеваться
в такие одежды

Пусть ни зависть, ни алчность
помешать моим всходам не смогут,
за фиалки — фиалки,
розы только за розы,
если щедрость —
так только своею рукою

МОЯ РОЗА

Роза никому
ничейная уже-не-роза
разве только нечаянно
палец поранишь
раньше бывало
выйдешь в садик
польёшь из лейки
розы и идёшь о розах
писать

ах роза любовь
в сердце заноза

Окровавленный соловей
не проснётся
не разбудит
роза уже ничто
даже не метаморфоза
уродства нашего
просто запах
к которому не притронуться
камень за пазухой
куда весомей

роза нейтрализует
носила её Кармен
в своих волосах жестоких
покуда жестокость

не бросила розу
к холодным рукам
Кармен и роза
одно и то же
красивое и далёкое

роза это нескромно
море розового цвета
багряным стало

Рука моя
давно её позабыла
со стула свисая
одно она помнит
этот цветок
когда-то срывали

* * *

О эти сбившиеся
в кучу руки
беспомощные
стынувшие
загнанные
Они давно
в ладонях не держали
жизнь
из плоти и из крови
состоящую
и не хватает рук
чтобы их спасти

Тогда ко мне на помощь
приходят мои руки
вновь рождённые
растущие нетерпеливо
протягиваю их
и вижу
вместо пальцев
у меня пять рук
на тех ещё пять
и ещё ещё
с прогрессией сердечной
прорастают

Чтобы мог рукопожатьем
ответить я

на каждое рукопожатье
просеять зёрна
и за руки схватить
детей и повести
их в мир
Чтоб наконец
измерить землю мог
держатъ её в ладонях
словно сердце

* * *

Хорошо что не успел спрятать
руки

виновато поспешные
нетерпеливо сильные
иначе не стоило жить
иначе битву я проиграл бы
От предплечья
до запястья боль
На этих пальцах не сидела
птица

она жила в них
желаньем двигаться
так чтобы на ощупь увидеть землю
По самый локоть
увязли руки в глине
терзают мнут её
так сильно что ногти
впиваются в мякоть ладони
Линия смерти перечёркнута
словно танк на детском рисунке
Мой пейзаж рука
с линиями прерывистыми
как путь по минному полю
Горизонт. На линии горизонта
не горы и не долины
скорбное изваяние Ники
Под ним прах твоих рук
что не обнимут

не прикроют крик мой
Деревья без веток и без коры
грусть без эмоций просто грусть
Обнажённые мускулы
пульс обнажённый линии жизни
Иначе не стоило бы жить
Иначе я проиграл бы битву

Это линия высокого напряжения

ЕВА

Выходит из моих глаз
из моего рта
из моих рёбер
и требует
мой взгляд
мои слова
кровь и дыхание

* * *

Вино в кувшинах бродит как и раньше,
В саду листва желтеющая стонет,
Легка луна. Легки твои ладони
И снова жизнью бредит сердце наше.

Всё как и прежде. Только чуть грустнее.
Нам каждый жест теперь вдвойне
дороже.

Мы богатеем только от потери,
Дрожим над словом, а иначе
быть не может.

Чьё-то лицо уносит ветер в память,
Ещё мгновение — и снова ты в объятьях,
Почти забытых и почти счастливых,
Они теперь уже не могут ранить.

Но не просись назад. И не пытайся
Лицо далёкое ты удержать в ладонях,
Другие воды уж несёт теперь Риони,
Другая женщина ждёт не дожждётся
счастья.

НАПРАСНО

Напрасно
осенняя ночь грозит
поэту бессонницей
ему без того не спится

Напрасно старая женщина
дверь закрывает
Никто к ней в дом
не ворвётся

Напрасно я вспоминаю
адрес забытого друга
он уже не живёт
в этом доме

О ВРЕМЕНИ

Будильник звонит впустую

Напрасно пытаюсь
время делить
чтоб смягчить свою боль

это время
разделённое
искромсанное
побуждает только к прощению

воображеньем убрал
стрелки часов
и перенёс их
усталым взглядом в пустоту

вот где он страх
это время
смертельно

запыжавшаяся встреча

ТАКОЕ СЛУЧАЕТСЯ С КАЖДЫМ

Такое случается с каждым:
вечером дверь захлопнув,
уходишь из дома,
чтоб никогда не вернуться.

И возвращаешься под утро
стойким и мудрым,
но уже другим

И кто знает —
где теперь бродит
тот, невернувшийся,
прежний.

* * *

Синие тени.
Тишина. Только под каблуками
скрипят снежные половицы.
Неподкованные лошади мчатся
скользят
Позёмка над полем
бежит словно пёс
чтобы отдохнуть
у ближайшего дерева
или забора

Снежная неподвижность
среброкрылые птахи
уже не тают в руке
засыпают
Из ноздрей
усталой лошади дыханье
лошадь спит в телеге

дыханьице
дерева заиндевелого
Уже коченеют ступни
ещё немного и вrastут
в сугроб
как крест как дерево

Несу умершего в себе
поэта
иду по глубокому снегу
не переводя дыханья

ЛОТ

Ушёл невредимый
временем пощаждённый
не потерявший ни единого волоска
не оплаканный и не сожжённый

не избранник богов
изгнанник

переживший чужую смерть
не знающий что делать
с собственной жизнью

ушёл невредимым
не коснувшись огня

о боже мой
кто я
если за моею спиной
руины
да столп соляной

НЕ-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Если надо
оглянись назад
в соляной столп превратись
если надо
на солнце смотри
ослепни только не от темноты

Пусть будет страшно
но пусть она будет
эта жизнь
раз она есть
второго раза уже не будет

Смотри
эта дорога лежит под солнцем
может это твоя дорога
А если дорога ведёт
в никуда
А если дальше ещё — вглубь
в самую сердцевину
в темень
или в светлую суть

Смотри
не пройди мимо
сердца
мимо дружеских рук
Смотри и запомни:

так это было
повтора не будет
и оправдания тоже
захочет ли кто-нибудь
путь повторить твой
торопись
не успеешь сделать движенье
упадёшь в бездну
а успеешь
вольёшься в вечность

ГАДАНИЕ ПО ВЕРГИЛИЮ

Ещё немного и на нашу долю
снег выпадет,
он будет белым — страницей чистой,
другие не увидят следы
и на ладонях линии.
Стоять деревья будут в белом инее.
Одни мы будем знать:
от времени белы мы,
не от снега белого.
Вот так же дерево сгоревшее
испепеляется.
Но было пламя
было небо синее.
Остались не одни воспоминания,
покрытые эмалью снежной.
Снег тоже жизнь
и тоже наша, ужель откажемся
Пусть скажутся в нас
краски прежних лет.
Нет одиночества
и просто снега — нет
есть продолжение
круговращенье прежнего
Легко вещать пророчески
декабрьский снег —
попробуй в декабре зелёный свет
увидеть.

Вергилий, ворон старый,
грозит нам гибелью
Закрой Вергилия —
лучше читай птичьи следы
Читай и небо синее
прочти и это место...
левее... ближе к сердцу...

* * *

В мои окрестности
неизвестная женщина
вносит свой давний
траур
принимаю её неохотно
но молчу чтоб не плакать
над умершей во мне

чья-то тень пробежала
и тотчас исчезла
может птица
а может тень моей грусти
очень трудно найти
в эту пору твои очертанья
куда проще давать обещанья
той за порогом

мой пейзаж
это дерево тёмного лика
это сонное облако
скрывшее звёзды
и усталые руки
и закрытая книга

твой пейзаж
куст пылающий ночью

* * *

Грусть твоя
песня заблудившегося вечера
который запел
чтобы не закричать
от страха
бескрайняя
как ночи поэта
нежная как слова
произнесённые утром

МИЛОСЕРДИЕ МАРСА

После стольких смертей
после того как
замучены были
зарублены были
раздавлены были

божий дар
милость Марса:

посылаю вас
на войну с войною.

* * *

Без звезды
ночь безглазое
ничего не видящее
пожирающее себя
мерзкое око
и тогда страх
поводырь моей жизни

Похищенная звезда
украшает теперь
чью-то плоть
и тогда она
всего лишь
холодный свет
ничего не рождающий
только смерть

Под ней никто
не захочет петь
она уже
не правит жизнью
эта звезда
переставшая быть звездой
вгрызается в мой мозг
и гложет гложет

Падшей звездой
срублены сколоты

ветви деревьев
улыбка с лица
моё время
струсившая она пытается
оправдаться
усыпить совесть
Но к счастью
я видел небо
усыпанное звёздами
к счастью
не сплю я

ПОЕЗД

Запыхавшаяся встреча
вот я... вот я...

последнее слово
прямо в ночь
под колёса вагонов

и уходит...
отрезая пейзаж за пейзажем
в туннель расставаний
оставляя обнажённые
рельсы
и эти фразы банальные
словно поезд

ДАЖЕ ДЕРЕВО

Даже дерево
обручённое в последний раз
с землёй
идущее на свидание
с молнией
с топором
с муравейником
в который оно упадёт

даже дерево зеленеет...

* * *

И вновь я топчусь у порога
твоих сновидений
тревожных и нежных
Впусти же в свой сон
открой свои веки
прощение просится с губ твоих чутких

Всё только надеждой
живёт и любовью:
и песни и перстни
а сердце уж точно
без них — лишь кусочек
материи мёртвой

О пытка стоящего рядом с блаженством
а двери блаженства надёжно закрыты
ужель и во сне я тобою отвергнут
А ты на другой стороне сновидений
опять подаёшь непонятные знаки
надежду лелеял — и снова прощанье

Опять пробужденье
пытка и нежность
с надежды я свергнут
сном возведённый
и стала надежда
одурью сонной

Блуждая дошёл я до линии ночи
и вижу как стебли нежнейшего сна
под корень срезает тлеющий месяц

Смиренно бреду я
к заветному месту
где можно глаза одиночеству смежить

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЦАМЕТА

I

Я забыл
что здесь оказался случайно —
всю жизнь шёл и шёл к тебе
так мне казалось

Я забыл
что видел когда-то другие храмы
ничего прекрасней твоей простоты
я не знаю

Я забыл
как надо писать стихи
теперь только понял
как писать стихи надо

Я забыл
откуда я родом и кто я
захотелось стать сыном
земли этой древней

Я забыл...

Помню песню
что мне подогнула колени
и вознесла над моей головой
крест Моцамета

II

Рая нет, ада нет
только жизнь и смерть

Вознеслись мои глаза
и пока долетел мой взор
до вершины
твоя рука нашла мою руку

воскресение

из глубины веков
вышли братья

их молодая кровь
оживила мою усталую

воскрешение

III

Константин и Давид
стало светло и ало

они шли взявшись
за руки
как мы

пробуждение

артерия Красной реки
свидетельствовала
воистину это было!

* * *

О, счастье умереть тем,
кем ты был от самого рождения
от самого зачатия
замыслен:
мыслителем
поэтом
землепашцем

Пусть скажут обо мне:
он умер тем, кем был

В мечте своей хочу быть
тем, кем умирать не страшно

Сыном земли своей

* * *

Земля пахнет
хлебом дождём цветами
землѣй

Земля благоухает
жизнью
и смертью
у которой позади
целая жизнь

ещё несколько капель жизни

с благодарностью я б проглотил
и не жалея горла
глоток самого горького слова
только б жить только б были живы
те чью воду я пил
те кто воду мою испил
потому как глоток
это жизни немножечко
о как много её
даже в маленькой ложечке
с которой кормили меня
когда я был ребёнком

Судьба вырванная из истории
отрубленная от дерева жизни
руки отдельно от дела
глаза от взгляда
слова от правды

это пострашнее
расщепления атома
тьма оторванная от света
кровь от артерии
красота от уродства

вижу маленькую фигурку
матери старой
которая бродит
в моих окрестностях
пытаюсь соединить
меня воедино

ещё раз

* * *

Пядь земли
чуть побольше ладони
Тут не воздвигнуть храм
дом не построить

Труд муравьёв
да птичье гнездо
здесь уместятся
несколько колосков
и несколько пятен крови

И всё же
стоишь упираешься
живыми пятками в землю
твёрдо стоишь — не сдвинуть
душу с этого места
Каждая пядь земли —
опора неба
каждая просит
над ней склониться
и приласкать как плоть живую
брошенная преданная
она растёт
разрастается в пропасть
отдаляющая нас от предков
отделяющая от потомков

Пядь земли
уста размыкаются
кричат кровоточат
о горсти песка и глины
Только не трусить
не пятиться
с этой горсти
земли
замысел начинается
ступенью к звёздам
нам явится
скромная пядь земли
прикрытая нашей ладонью

* * *

Осенний мой двор
осыпан дольками солнца
тону в тишине и шорохе
что под ногами
плыву от слуха
к провалам памяти

Один-одинёшенек
расплетаю плачи дождей
нежные слёзы по светлому сентябрю
слова мои тают
в ладонях резкого ветра

осени говорю
спасибо
хотя ничего ей не должен
просто всё обо мне ей известно
даже то
о чём я ещё и не думал
вот и сейчас
она угадала желанье
нарисовать пейзаж обыкновенный
лаконичный в цвете и грусти
двор безмолвный
в красках осенних
щемящих душу

но наступает мгновенье
когда осень становится
существом одиноким
таким же как я
мои глаза
увядшая ветка
слова крик птиц перелётных
пальцы мои
давно тебя потеряли
жду отлёта моей листвы
она доверчиво ляжет
на землю
шуршащим бесценным грузом
нежно и трогательно
будет шептать твоё имя
волшебный свой двор
подметать я осенью этой
не буду

В КАЖДОМ ИЗ НАС — ПЕЙЗАЖИ

Знаешь, друг мой,
в каждом из нас — пейзажи
Родины нашей.

И поэтому я бегу к тебе,
к берегам Риони,
в твою светлую суть,
в золотой сон твоих гор.

А ты говоришь в минуту грусти,
что ты — пейзаж лунный...

В тебе обрыв,
с которого не раз
бросались в твою душу,
раня её
и себя раня.

Но утром ранним
глаз твоих ясность,
голубизна неба,
листьев зелень —
обещают счастье

И снова ты в своей округе,
как пастушок
или усталый путник,
идёшь туда, где спеют гроздья,

где воздух твой дрожит от крика,
то я зову тебя

Ужель не слышишь?

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

Ещё никто не заблудился
никто не сказал
это моя земля

правят миром здесь
звёзды
праведно ли никто не знает
здесь птицы не знают
клеток
здесь муравьи
без смога и сплина
сюда не выселяют в ссылку
не изгоняют никого из рая

Ничейные лошади бродят
без всадников-без-головы
пространство без той жизни
страна не убившая
своего пророка

Это моя земля

КОЛОКОЛ

Моя земля ширится твоим звоном
как хорошо лежать на траве
раскинув руки

Всё что вверху — обрастает небесами
всё что внизу — заставляет меня плакать

Грядёт давний звон
на бой иль на покой

Пусть звенит моего сердца любовь
доверь себя земле до самой смерти
воскресают только живые

И всё это — и неба алтарь
и образ земли родной
и виноградный крест — воистину!

Льётся заветный звон
на радость или на боль

Пусть сердце бьётся о грудь
волнуя кровь
стон превращая в зов

Иначе зачем эхо гор
жажда рук и слов

* * *

Грузия вдруг стала похожей
на девушку
задремавшую в летний полдень
закричи — вмиг проснётся

не буди её сон тревожный
пожалей полелей немножко
пусть она отдохнёт

* * *

Крыло праптицы касается небес
Смола падает прямо в море
море выбрасывает
жемчуг, минуя оценщиков
эти динозавры
старшие братья ящерки
они не дадут её в обиду
а это зёрнышко —
дедушка хлеба
уголь ещё цветёт листвою
но уже греет
молнии ещё не нашли
себе примененья
а это чудище
уже готово стоять
на музейных полках

Прошрое манит
крылом праптицы
земля рождается
и жадно прибирает
к рукам своим
дары морские
песчинка к песчинке

Ещё нет безжизненного пространства

СТАРЫЙ ВИНОЧЕРПИЙ

Разливает вино
Сидя на крышке своего гроба

Сердце его покачивается
Но идёт ещё без поддержки

С нежнейшим взором
готовым испариться
от теплоты

Он зачёрпывает
ещё несколько капель жизни

ИОВ

Иов страждущий
но не жалкий
ибо он всё-таки есть
и ни за что
не отречётся от бога
того самого бога
который бросил Иова
на край бездны —
в самую бездну
смешал с грязью
с землёй
обоготворив
гноем и струпьями

Иов верит в бога
как верят
в тело Иова
мухи и черви
безмерно
натощак
на худеньких лопатках
и на рёбрах
можно читать
скрижали веры

Кровью
болью безмерной
Иов проверяет
себя и бога

на принадлежность
к вере

Не проверка — испытание
не испытание — пытка
не пытка — убийство
зачем и за что
хотели убить
изничтожить
унизить
верного и безгрешного
насмешка
потеха
так смейтесь до слёз

бедный
нищий ли духом?
грязный забытый голодный
а в голове — свобода —
необходимость веры
верой своей поправ
ваше господь безверье
своё получил Иов
то что отнято было
то что теперь
выдано как награда
от милосердного бога
дома, сыновья и богатство
стадо овец и слуги
и ничего — за страданье
только усталость
страх
скучные нравоучения
только мольба в глазах

О боже
как мучительно жить
после долгих мучений

ЭЛЕГИЯ

У моря необыкновенная забывчивость
и острые зубы
вгрызаются в каменистую мякоть
земли
на дне пузырятся раковины
и желания
море забывает о них
и тогда оно всего лишь
навсего море
море не помнит
ему всё прощают
тайфуны и кораблекрушения
не прощу ничего
ничего не забуду
море как это много
и тогда песня
это песчинка или зёрнышко
выброшенное волною
уже проросло
Сиж у моря
в любую погоду
жду у моря
а чего жду не знаю
на любом из его берегов
ты мне машешь рукою

Море
О чём оно?

* * *

Слово ловит
во мне магнитом
чувства и зародыши чувств
среди них
чувство счастья любви
и отчаянья
чувство ревности гнева
и прочие

слово ловит магнитом
другие слова
оно обрастает
звуками запахами
и даже мясом

слово может
обнять приласкать
ранить

нужно сказать слову
доброе слово

нужно сказать солнцу
что оно называется
солнцем
птицу птицей назвать
подыскать
ещё одно имя Богу

НА ОБОЧИНЕ ПРОЧТЕНИЯ

Неоднократно за последние годы замечалось: вот это имя, вот это, вот ещё это, и мы совсем уже восстановили, мол, целостную карту русской поэзии второй половины (вариант — последней трети) XX века. Но всё новые и новые имена заставляют в этом усомниться. Новые имена, впрочем, только для нас — находящихся на временной шкале здесь, в этом самом *настоящем* времени, точнее — для большинства из нас. Судьбы самих поэтов завершены ещё *тогда*. Их стихи были известны в разной степени — но что, собственно, значит «известны?» Нередко тексты, за которыми стоит тот или иной уникальный автор, всплывают не из полного небытия, но из некоего интерпретационного вакуума. Бывает и так даже, что вслед за одним посмертным открытием необходимо новое, так как стихи не прозвучали, оказались на обочине прочтения, не *пришлись ко времени*.

В каком-то смысле это и случай Михаила Фельдмана (1952–1988). Ольга Аникина пишет в одном из немногих развёрнутых эссе о поэте: «Дух эпохи предполагал крик, мятеж, обличение, конфликт, эпатаж. С помощью такого набора многие поэты средней руки становились знаменитостями. В стихах Фельдмана <...> всего этого нет. Что это — слепота или намеренное отрицание?» И далее: «Такой вопрос возникает только на первый, поверхностный взгляд. Да, Фельдман оказался не вписанным в литературную карту своего времени. Но по мере проникновения в мировоззрение поэта, в его пространство, наглухо изолированное от действительности, на которую “ответ один — отказ”, выбор поэта становится понятен»¹.

¹ Аникина О. Ещё несколько капель жизни // «Уйти. Остаться. Жить». Антология Литературных чтений «Они ушли. Они остались». Т. II. Ч. 2. М.: «ЛитГОСТ», 2019. С. 387.

Мы и согласны, и не согласны с автором этого очень про- никновенного эссе. В любом случае горько, когда поэт уходит; однако самоубийство или, что тоже встречается, сознательное ли, подсознательное подведение жизни под неизбежный роковой конец, всё-таки часто оказывается финальным значимым элементом биографического, жизнестроительного текста. Не зря же Михаил Леонович Гаспаров говорил о «смертестроительстве» некоторых поэтов. Случайность, обрыв жизни вне какого-либо большого сюжета — это само по себе трагично, но никак не предусмотрено логикой поэтического развития ушедшего автора. Гибель Михаила Фельдмана в железнодорожной катастрофе, следует настаивать, не связана с устройством самих его стихов, хотя и видится задним числом символической (включая пресловутое число лет, максимально приближенное к мифологизированным тридцати семи). Эту черту отмечает и Аникина («...Фельдман не был самоубийцей и путь его прервался внезапно»²). Но в рамках этой логики выбор поэта предстаёт не выбором некоей схимы и затворничества, а следованием своему, всегда в таких случаях предстоящему одиноким пути.

Меж тем этот путь не был одиноким, и чего особенно жаль — именно несовпадения Фельдмана с пусть и немногочисленными, но важными единомышленниками, работавшими тогда в нашей поэзии, как старшими, так и ровесниками. Поэтому, пускай непозволительно поздно, но следует попытаться, хотя бы в черновом варианте, осознать место Фельдмана на той самой поэтической карте, куда биографически он встроен не был, но где сами его тексты должны обрести заслуженное и законное место. Это важно ещё и потому, что расхожие представления о «совершенной уникальности» служат поэту дурную службу: нечто, произнесённое на принципиально никому не понятном языке (в том числе на языке поэтическом), заведомо обречено на семантический коллапс, на проваливание в коммуникационную пустоту. Если речь так устроена, что её никто не может понять в принципе, её никто и не поймёт. Поэтому роль как радикальных экспериментаторов, так и эстетических одиночек, таких, как Фельдман, последовательно и несмотря

² Аникина О. Указ. соч.

ни на что проводящих свою эстетическую линию (может быть, даже и вопреки тому, что виднеется, как накипь, в верхних слоях процесса), — в художественном осмыслении некоего *пограничья возможного* для произнесения здесь и сейчас, в актуализации потенциальных линий и контекстов, значимость которых в данный момент неочевидна.

Не будем забывать и о сугубо, казалось бы, социальном аспекте, о свойствах поздней советской эпохи. Фельдман погиб ровно в тот момент, когда её культурные механизмы начали рушиться уже не в тайных хоробах, где властители определяли формат дозволенного в культуре, а буквально на глазах у всех. Но неуклонный этот развал ещё предстоял, пусть и в ближайшие годы. Писал же он как раз в семидесятые-восемидесятые, когда культурное поле было разграничено окончательно и бесповоротно. Даже случайная публикация независимого поэта в легальной печати оказывалась занятным происшествием, эпифеноменом по отношению к самой логике происходящего. В принципе же неофициальная, неподцензурная культура существовала сама по себе, а официальная, вместе с государством, строящим БАМ и вводящим войска в Афганистан, — сама по себе. Если поэт (как и художник, философ) не делал резких телодвижений, то он вполне мог существовать в логике описанной Алексеем Юрчаком «гипернормализации»³: всем понятно, что всё вокруг безнадежно, и рано или поздно рухнет, но никто не представлял себе ни сроков, ни механизмов этого воображаемого события, а следовательно, никаких иных жизненных обстоятельств, кроме наличествующих, в реальности не предполагалось.

Соответственно, художник часто был не антисоветским, что привело бы, вероятно, к тем или иным санкциям со стороны государства, но *несоветским* (хотя во многом по жизненному опыту и «советским» — в бытийном, а не идеологическом плане). Независимо работающий автор мог биографически оказаться внутри того или иного круга (литературного, художественного, просто интеллигентно-дружеского) и ощущать там некую «аль-

³ См. подробнее в: Юрчак А. «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение». М.: «Новое литературное обозрение», 2014.

тернативную корпоративность». А мог такого круга не обрести — по крайней мере, именно в творческом плане.

Для Фельдмана, насколько можно понять, был важен круг грузинской интеллигенции, с которой он профессионально сошёлся как историк, но который, как и вообще Грузия, был, кажется, для поэта тем самым альтернативным внешнему официозу, личным пространством свободного существования. Но в собственно поэтическом плане он оставался одиночкой, потому что жизненно не «совпал» со многим, что происходило параллельно его творческому существованию в неподцензурной словесности (а такие несовпадения — тоже пример осознаваемых задним числом значимых случайностей). Стоит отметить и то, что *несоветскость* поэтического письма и эстетической позиции могла выливаться в формы откровенного эскапизма («поколение дворников и сторожей»), а могла оставаться как бы параллельной внешне вполне «нормативному» советскому существованию. Интересно, что здесь не так силен момент личного выбора, как обычно кажется, но — самое любопытное, что, по сути, обстоятельства эти оказались мало важны для собственно восприятия творчества того или иного автора.

Меж тем поэзию Михаила Фельдмана следовало бы читать не только саму по себе, но и в контексте истории свободного стиха позднесоветского времени (отметим, что именно верлибры составляют самую значимую часть наследия поэта). По словам Юрия Борисовича Орлицкого, «...в то время, как в традиционном стихе последовательно наблюдается стирание структурно-жанровых особенностей, что приводит к окончательному утверждению в современной поэзии единственного жанра собственно лирического стихотворения, в массе свободного стиха, напротив, происходит накопление жанровых тенденций, приводящее к выделению двух противоположных подтипов стиховой организации — условно говоря, “короткого” и “длинного” верлибра. При этом для этих двух подтипов характерна опора на разные типы логических построений: в коротком на дедуктивный вывод по типу силлогизма, в длинном на индуктивные цепи, что особенно хорошо можно видеть в так называемых каталогах образов. В русском верлибре 1970–1980-х годов первый тип оказался наиболее точно пер-

сонифицирован в поэзии москвичей Владимира Бурича и Арво Метса, второй в лирике Геннадия Алексеева. Поэтому с определёнными оговорками можно считать короткий подтип в большей степени принадлежащим московской поэтической традиции, а длинный — питерской»⁴.

Биографическая привязка Михаила Фельдмана к Ленинграду который раз уже в нашем разговоре оказывается «значимой случайностью», чей символический характер становится понятен из последующего анализа. При всей игровой схематичности, превосходно осознаваемой исследователем, дихотомия Орлицкого в некоторых случаях работает, хотя и требует оставить за бортом львиную долю того, что было сделано в ту эпоху в отечественном свободном стихе. Возможно, следовало бы здесь говорить о специфическом типе отношения к письму, том самом *несоветском*, о котором мы говорили несколько ранее: перечисленные Орлицким имена не отнесёшь к радикально авангардным или «предпостмодернистским», творчество и Бурича, и Метса, и Алексеева, — как, кстати, и творчество Фельдмана, — принципиально соотносится с традициями философской лирики, имеющими давние корни. Однако деавтоматизация стихотворной речи, отказ от метрическо-рифменных подпорок, в силу инерции заслонявших собственно поэтическую семантику (обновление этой речи оказалось смыслом работы совсем другого среза авторов), выводят такого рода стихи из зоны легального и лояльного: известно, с каким подозрением советская провластная культура относилась к верлибру, даже самому невинному с точки зрения смысла. В этом ряду «ленинградскость» Фельдмана вполне может быть увидена в той же логике построения текста, которую Орлицкий показывает в творчестве Геннадия Алексеева. Цепи, состоящие из сопологающихся фрагментов-строфоидов, диалектика взаимодействия которых образует поэтический метасюжет, очень характерный для Фельдмана: «Может пение птиц, / листьев шелест / превратить в прекрасное слово, / а обратно — не может. // Может женщину одинокую / утешить на миг, / а заме-

⁴ Орлицкий Ю. Геннадий Алексеев и петербургский верлибр // «Новое литературное обозрение» №14, 1995. Цит. по: http://www.litkarta.ru/dossier/orlitsky-alexeev/dossier_14410/

нить ей крик / ребёнка — не может. // Может жить в друге ушедшем, / в шелесте листьев, / в женщине одинокой, / а без них жить — не может. // Что поэзия может? / Ничего не может. / Поэзия может всё», — хотя встречаются у него и «поэтические силлогизмы» и своего рода неструктурные в синтаксическом смысле стихи-медитации. Параллель с творчеством Алексева, однако, не говорит о категорическом сходстве (интересно, знали ли поэты о существовании друг друга или хотя бы Фельдман — об Алексееве? Кажется, что нет). Фельдман — не представитель «школы Алексева», а совершенно самостоятельный автор, пришедший в своей творческой эволюции к типологически близким, но отнюдь не тождественным принципам (интересная работа для филолога — сопоставление поэтик Фельдмана и Алексева). Несопоставимы пути, пройденные поэтами: Алексеев разрабатывал свой метод в течение всего творческого пути, жизнь Фельдмана, как мы знаем, трагически оборвалась, и нам не известно, какой бы его поэтика была в дальнейшем (при всей запретности подобной постановки вопроса). Но и в явленных нам текстах Фельдман формирует индивидуальный поэтический мир, в котором максимально общие, стёртые от употребления обыденные слова и понятия, поэтически трансформируясь, оживают и обретают новый смысл.

Первое посмертное прочтение оказалось слишком локальным: мало кто заметил книгу Фельдмана «Миновало» (1990), а весьма объёмная подборка в знаменитой «Антологии русского верлибра» (1991) Карена Джангирова пусть и обращала на себя внимание ценителей, но, как и любая другая публикация, терялась в этом безбрежном томе. Вероятно, сейчас читатель имеет шанс на второе посмертное прочтение Михаила Фельдмана, и хотелось бы, чтобы оно оказалось более глубоким.

СОДЕРЖАНИЕ:

Евгений Абдуллаев. Воскресают только живые 5

I

ЗА ДВУМЯ ПЕГАСАМИ СРАЗУ

Из писем Тадеушу Ружевичу	16
Не вышло	17
«Не раздваиваюсь...»	18
Капитуляция	19
«Сердце моё...»	20
«На берегу Невы...»	22
Грузинская речь	23
Страх	24
Скрипка	25
Другу	26
Алаверди	27
Кутёж	28
Приговор	30
На рассвете	31
«Осень опять...»	32
Из цикла «Борьба за дыхание»	33

II

ЭТО ВРЕМЯ СМЕРТЕЛЬНО

«Копая яму...»	36
Одни стихи	37
Что поэзия может	38
Посадил фиалки — розы выросли	39
Моя роза	41
«О эти сбившиеся...»	43
«Хорошо что не успел спрятать...»	45
Ева	47
«Вино в кувшинах бродит как и раньше...»	48

Напрасно	49
О времени	50

III ЗАПЫХАВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Такое случается с каждым	52
«Синие тени...»	53
Лот	54
Не-путеводитель	55
Гадание по Вергилию	57
«В мои окрестности...»	59
«Грусть твоя...»	60
Милосердие Марса	61
«Без звезды...»	62
Поезд	64
Даже дерево	65
«И вновь я топчусь у порога...»	66
Воспоминание о Моцарте	68
«О, счастье умереть тем...»	71
«Земля пахнет...»	72

IV ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО КАПЕЛЬ ЖИЗНИ

Глоток	74
«Пядь земли...»	76
«Осенний мой двор...»	78
В каждом из нас — пейзажи	80
Ничейная земля	82
Колокол	83
«Грузия вдруг стала похожей...»	84
«Крыло праптицы касается небес...»	85
Старый виночерпий	86
Иов	87
Элегия	89
«Слово ловит...»	90
<i>Данила Давыдов. На обочине прочтения</i>	91

Проект
«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

**Антологии Литературных чтений «Они ушли.
Они остались»**

1. «Уйти. Остаться. Жить» (Том I:1990–2010-е) /

Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева,
В. В. Коркунов. — М.: «ЛитГОСТ», 2016. — 460 с.

2. «Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть I: 1970-е) / Сос-

тавители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.:
«ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 388 с.

3. Уйти. Остаться. Жить (Том II. Часть II: 1980-е) / Сос-

тавители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.:
«ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 456 с.

Серия
Поэты литературных чтений
«Они ушли. Они остались»

Редакционная коллегия:

Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин

1. Владимир Полетаев, «Прозрачный циферблат». — М.: «Лит-
ГОСТ», 2019. — 150 с.

2. Михаил Фельдман, «Ещё одно имя Богу». — М.: «Лит-
ГОСТ», 2020. — 100 с.

Литературно-художественное издание

Книжная серия

Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»

Михаил Фельдман

ЕЩЁ ОДНО ИМЯ БОГУ

стихотворения

Технический редактор *Владимир Коркунов*

Литературные редакторы и составители

Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова

Бумага офсетная
Гарнитура FavoritBookC
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 12.03.2020 г.

«ЛитГОСТ»
vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com